

Глядя на поведение этой троицы, Чу Шаоян и Чжан Дашань почувствовали, как у них внутри всё похолодело. Однако, цепляясь за призрачную надежду, они всё же провели тщательный обыск, вывернув всё наизнанку.

Результат оказался предсказуемым: свои лишь порадовались, а враги получили по заслугам.

Чжан Дашань выглядел совершенно ошарашенным:

— Как это возможно? Где ты его спрятал?

Фу Сиянь, до этого с удовольствием наблюдавший за представлением, даже начал беспокоиться: не подхватил ли этот бедолага вирус безумия от Чу Шаояна, чтобы следом за ним отправиться в психиатрическую лечебницу?

Вэй Ган жестом отозвал Чу Шаояна в сторону и принялся наставлять его с отеческой заботой:

— Господин сотник, вы молоды и талантливы, ваше будущее безгранично. Служба — это как путь боевых искусств: честность и открытость — вот единственно верный путь. Не стоит ради сиюминутной выгоды сужать себе дорогу в жизни.

Чу Шаоян, уже записавший Вэя в сторонники партии Фу, и слушать не хотел подобных наравоучений.

Однако, поскольку Чжан Дашань лично признался, что использовал голубей для обыска в комнате Фу Сияня, у него не было возможности выгородить подчинённого. Пришлось ответить:

— Благодарю вас за заботу, господин Вэй. В рядах Цзиньивэй завелась паршивая овца, это наша недоработка, и мне крайне стыдно. Я лично доставлю его к командиру Чу для вынесения приговора, чтобы дать достойный ответ господину Фу.

Вэй Ган кивнул:

— Это было бы превосходно.

Чу Шаоян больше всего боялся, что тот потребует передать дело ему, и, увидев, что этого не случилось, наконец выдохнул.

Дальше всё пошло просто: Чжан Дашаня заперли в отдельной комнате под присмотром стражи.

Чу Шаоян спросил Вэй Гана, по какому делу тот здесь оказался, и предложил устроить

застолье в его честь.

Вэй Ган ответил, что инспектирует провинцию Шаньси и случайно услышал о череде загадочных исчезновений людей, поэтому решил заглянуть. Он не ожидал, что по прибытии дело уже будет раскрыто, и теперь планирует отдохнуть ночь и отправиться дальше, не желая обременять хозяина расходами.

Вэй Ган простодушно рассмеялся:

— Я питаюсь на кухне, хозяин гостиницы освободил меня от платы за проживание и еду.

Только он это сказал, как хозяин, сияя от радости, подбежал к ним с подносом и протянул его Вэю:

— Господин Вэй, посмотрите скорее, это то самое вино Гуйфэйхун?

Увидев одобрителный кивок Вэй Гана, хозяин запрыгал от восторга:

— Слава небесам! Вы воистину благородный человек, вы мне так помогли! — с этими словами он поспешил обратно на кухню.

Вэй Ган пояснил:

— Когда я пришёл проситься на ночлег, хозяин сказал, что мест нет. Но, узнав, что я знаю рецепт Гуйфэйхун, сразу согласился приютить меня.

Фу Сиянь не удержался и посмотрел на Чу Шаояна.

Когда Мэй Мэй притесняла хозяина, он сам предлагал Чу Шаояну помочь, но тот отказался. Кто бы мог подумать, что ради решения проблем с назойливой девицей хозяин призовет на помощь Вэй Гана.

Интересно, жалеет ли теперь Чу Шаоян о своём прежнем выборе?

Когда всё уладилось, Вэй Ган вернулся на кухню помогать, а Фу Сиянь и Чу Шаоян остались в главном зале доедать.

В отличие от Фу Сияня, который уплетал всё за обе щеки, Чу Шаоян почти не притронулся к еде. Дождавшись, когда Фу Сиянь отложит палочки, он под предлогом неотложных дел покинул зал. Фу Сиянь же, прихватив нетронутый десерт, пересел за столик к Чжунсиню и Гэнгу.

Грызая булочку с красной фасолью, Фу Сиянь серьёзно сказал:

— Господин Вэй сказал, что дело об исчезновениях раскрыто. Сходите разузнайте, что сейчас происходит в поместье Люму.

Чжоу Гэн ответил:

— Мы же уже выбрались оттуда, господин, зачем нам снова лезть в это дело?

Фу Сиянь замедлил жевание и печально вздохнул:

— Мы хоть и покинули поместье Люму, но по-настоящему ещё не выбрались.

Если слова Седьмой принцессы — правда, то до тех пор, пока не будет решена фундаментальная проблема с женитьбой Пэй Юаньцзиня, Дворец Хранителей Бессмертных не оставит его в покое.

Чжоу Гэн с сомнением спросил:

— А как тогда мы сможем выбраться по-настоящему?

Фу Сиянь подумал и ответил:

— Неустанно совершенствуясь.

Слабая страна не имеет права голоса в дипломатии, и этот принцип применим к любому человеку. Только став сильным, ты обретаешь право диктовать свои условия.

Раз уж он попал в этот мир высоких боевых искусств, негоже подводить ожидания — амбиции, девять лет дремавшие в глубине души, наконец дали ростки под воздействием пилюли Хуньян.

Моя судьба зависит от меня, а не от небес!

Как же мощно звучит эта фраза, пока её не заездили до дыр!

Чжоу Гэн, глядя в решительные глаза хозяина, тоже воодушевился:

— Значит, сейчас пойдём тренироваться?

— Нет, — Фу Сиянь доел последнюю булочку, — сначала прогуляемся.

Чжоу Гэн был озадачен.

— Сто шагов после еды — доживёшь до девяноста девяти, — пояснил Фу Сиянь.

Конечно, эти сто шагов он делал не просто так. Фу Сиянь обходил самые людные рестораны, не заходя внутрь, а просто прохаживаясь у входа, чтобы охладиться. Как только слуги выбегали звать гостей, он неспешно удалялся.

После нескольких таких прогулок Чжунсинь и Гэн поняли, что он пытается разузнать подробности дела об исчезновениях.

Чжоу Чжун произнёс:

— Не думал, что похитители так быстро отпустят людей.

Они не слышали доклада Юй Сухуань, поэтому не знали, что за похищениями стояли подразделения Грома и Молнии Дворца Хранителей Бессмертных. Фу Сиянь догадывался о чём-то подобном, но не знал деталей, полагая, что всё это дело рук Лу Жуйчуня, а Пэй Юаньцин, узнав об этом, просто приказал отпустить людей.

Чжоу Гэн добавил:

— Жаль, что они ничего не помнят о времени, проведённом в плену.

Фу Сиянь понимал это чувство: словно досмотрел сериал до финала, а кто убийца — так и не понял. Досадно, но он ответил:

— Так даже лучше.

В реальном мире неведение порой — великое счастье.

Троица ещё немного побродила по улицам, и Фу Сиянь внезапно вполголоса спросил:

— Это вы пригласили Вэй Гана?

На самом деле, он знал ответ ещё до того, как задал вопрос. Этот разговор был лишь поводом, чтобы дать им возможность высказаться.

Чжоу Чжун ответил:

— Перед отъездом господин граф дал нам контакты нескольких высокопоставленных лиц, к которым можно обратиться в безвыходной ситуации. Господин Вэй — один из них. В молодости он был учителем графа, человек редкой честности.

— Когда вы его пригласили? — спросил Фу Сиянь.

Видя, что по лицу господина трудно понять его эмоции, Чжунсинь занервничал:

— В тот день, когда Го Пин обнаружил яд в чае, мы отправили письмо господину Вэю... Мы самовольно приняли решение, просим наказать нас.

Чжоу Гэн тоже склонил голову, прося прощения.

Они всегда называли Фу Сияня маленьким господином, что отличало его от Фу Лианя и скрыто выражало их истинное отношение. То, что Чжунсинь сменил обращение, несомненно, указывало на перемену в их мнении.

Хитрость и выдержка, с которой Фу Сиянь провёл Чжан Дашаня на глазах у Вэй Гана и Чу Шаояна, доказали, что он обладает твёрдым характером и острым умом. Даже Чу Шаоян, считавшийся жемчужиной среди людей, на его фоне выглядел блёкло. А уж решимость, с которой он заставил Чжан Дашаня подписать расписку, а потом сжёг её... Всё это выходило за рамки их прежнего представления о маленьком господине.

Фу Сиянь, конечно, заметил перемену в их поведении и остался доволен. Раньше, когда его постоянно называли маленьким господином, у него возникало ощущение, что он не наследник чиновника, а какой-то чиновник в третьем поколении.

Вернувшись в гостиницу, они обнаружили, что в холле стало тихо.

Фу Сиянь хотел было навестить Вэй Гана, но передумал: только что Вэй Ган восстановил справедливость, и если он сразу пойдёт подлизываться, это бросит тень на репутацию господина Вэя. Даже если все всё понимают, внешние приличия соблюдать нужно.

Делать было нечего, и он отправился к себе отдыхать.

Не так давно он достиг пика закалки костей, но череда событий не позволила ему как следует осознать, что он снова стал надеждой семьи Фу. О, эти долгие и мучительные дни...

Он открыл окно и посмотрел на серп луны. Только собрался привести мысли в порядок, как увидел знакомого паренька, который в панике спрыгнул с крыши напротив и мгновенно исчез.

Этот стиль... С таким же успехом он мог написать у себя на лбу: Я из подразделения Молнии.

Фу Сиянь вспомнил, почему тот показался ему знакомым: это был тот самый парень, который после того, как Лу Жуйчунь поймал бомбу-громовержец, ещё имел наглость попросить бросить остальные.

Впрочем, он не особо удивился. С тех пор как он понял важность пилули Хуньян, он догадывался, что Дворец Хранителей Бессмертных предпримет ответные шаги, а тайная слежка — это ещё самый мягкий вариант.

Фу Сиянь спокойно закрыл окно и лёг на кровать тренироваться.

Небо движется в своём величии, благородный муж неустанно совершенствуется...

...а когда люди шумят, нормально отдохнуть не получается.

Фу Сиянь встал с кровати и приоткрыл створку окна.

Мэй Мэй и Чу Шаоян стояли под окном, выясняя отношения. Судя по обрывкам фраз, суть конфликта была в том, что одна хотела выйти купить заколку для волос, а другой предлагал отправить за ней подчинённого.

В итоге победила та, чьи кулаки оказались тяжелее.

Мэй Мэй была до того свирепа, что перед уходом отвесила Чу Шаояну звонкую пощёчину.

Чу Шаоян отступил, увернувшись, но его лицо почернело сильнее, чем осеннее небо.

Он поднял взгляд в сторону комнаты Фу Сияня.

Фу Сиянь показал два пальца, дружелюбно изогнув их, мол, брат, я тебя понимаю. Но, судя по тому, с какой яростью Чу Шаоян ушёл, он его участия не оценил.

*

Осеннее солнце вставало всё позже, и Фу Сиянь поневоле поспал на чуточку дольше, чем вчера. Чу Шаоян ещё вчера велел всем собираться в дорогу, и когда Фу Сиянь спустился вниз, большинство уже завтракали.

Он сел за столик к Чжунсиню и Гэнгу.

Отряд Цзиньивэй, приведённый Чу Шаояном, состоял из бывших гвардейцев, сторонников Чу, а остальные за эти дни тоже успели сдружиться. На их фоне троица Фу Сияня держалась особняком.

Впрочем, Фу Сиянь, будучи опытным домоседом, никогда не возражал против того, чтобы быть изгоем, и даже находил определённое удовольствие в одиночестве среди толпы.

Перед самым отъездом Вэй Ган на глазах у всех подозвал Фу Сияня.

Не дожидаясь, пока тот заговорит, Фу Сиянь первым повинился, сказав, что хотел навестить его вчера вечером, но побоялся двусмысленностей.

Вэй Ган удивился:

— Ты — толстячок, я — старик, каких ещё двусмысленностей ты испугался?

— ...Это я был поверхностен, — ответил Фу Сиянь.

Вэй Ган продолжил:

— Я был учителем твоего отца, но твой отец помог мне гораздо больше. Мой нынешний приезд можно считать частичным возвратом долга.

Фу Сиянь учтиво ответил:

— Я обязательно передам ваши слова.

Вэй Ган усмехнулся, не подтверждая и не отрицая, но Фу Сиянь решил, что это знак согласия.

Вэй Ган достал из рукава письмо:

— Если после вашего возвращения Чу Гуан откажется наказывать Чжан Дашаня, передай моё донесение Третьему принцу, пусть он представит его Его Величеству.

На деле это означало, что Третий принц должен был оказать давление на Чу Гуана.

Фу Сиянь, поражённый его предусмотрительностью, горячо поблагодарил его.

Вэй Ган удовлетворённо кивнул:

— Дети моего друга — это и мои внуки, так что подарок при встрече обязателен.

Фу Сиянь увидел, что тот снова лезет в рукав, и уже приготовился вежливо отказаться, как вдруг увидел, что тот выудил... медную монетку.

...

Это что значит, этот внук стоит всего одну монету?

Вэй Ган положил монету на ладонь:

— Запомни узор на этой монете. Если увидишь такой на вывеске банка или ломбарда, то в полдень третьего и седьмого числа каждого месяца сможешь использовать её как знак, чтобы купить нужные тебе сведения.

Фу Сиянь внимательно всмотрелся в монету. Она действительно отличалась от обычных: узор на первый взгляд напоминал цилиня, но при ближайшем рассмотрении были видны различия.

— Это...

— Байцзэ, — ответил Вэй Ган.

Фу Сиянь с трудом выдавил:

— ...Это не связано со Дворцом Хранителей Бессмертных?

Вэй Ган рассмеялся:

— Конечно, нет. Тот, кто подарил мне эту монету, сказал, что делает это только ради того, чтобы лучше вести дела.

— Но раз вы отдали её мне, то как же вы...

— В моём возрасте, сколько мне ещё осталось? Лучше отдам её тебе, — Вэй Ган с напутствием похлопал его по плечу. — Я помогаю тебе лишь временно, а помочь тебе на всю жизнь сможешь только ты сам.

Слова звучали просто, но в них скрывалась глубокая мудрость.

Фу Сиянь с благодарностью кивнул.

Увидев, что тот принял подарок, Вэй Ган с облегчением сказал:

— Передай отцу, что я сполна отдал свой долг.

Фу Сиянь: «...» Разве только что это не называлось подарком при встрече?

Вэй Ган был воплощением лёгкости и беззаботности:

— Ну всё, иди.

Видя, что он явно не собирается забирать подарок обратно, Фу Сиянь мог лишь принять этот жест доброй воли. Вот только не знал, не хватит ли отца удар, если он узнает, что его сын одной медной монеткой купил долг Вэй Гана.

Впрочем, Фу Фу был далеко, так что оставалось только позволить этому горе-сыну импровизировать.

Когда они вместе с Вэй Ганом вернулись к гостинице, на них обрушились десятки любопытных и пытливых взглядов.

<http://bllate.org/book/19792/1950361>